

HARLEQUIN®

068

Элизабет Бикон

.....

ХОЛОДНОЕ
СЕРДЦЕ

.....

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Исторический роман – Harlequin

Элизабет Бикон
Холодное сердце

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Бикон Э.

Холодное сердце / Э. Бикон — «Центрполиграф»,
2014 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-06067-9

Люк Уинтерли, виконт Фарензе, приезжает на похороны своей тетушки леди Виржинии, чтобы стать хозяином поместья, где она жила. К печали утраты примешивается горькое чувство воспоминаний о компаньонке и экономке тетушки миссис Хлое Уитен. Десять лет назад Люк влюбился в нее без памяти, но был отвергнут, хотя Хлоя не скрывала, что тоже страстно желает его. Зная, что встреча с Хлоей не сулит ему ничего хорошего, Люк решает избавиться от нее, отказать от дома, но не может осуществить своего намерения, так как завещание таит в себе коварный сюрприз. Именно Хлоя должна проследить за исполнением воли тетушки Виржинии. И Люку ничего не остается, как встретиться лицом к лицу со своей давней любовью...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06067-9

© Бикон Э., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Элизабет Бикон

Холодное сердце

Elizabeth Beacon
THE VISCOUNT'S FROZEN HEART
A Novel

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Viscount's Frozen Heart Copyright © 2014 by Elizabeth Beacon «Холодное сердце»

© «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Глава 1

Люк Уинтерли, виконт Фарензе повернулся, чтобы помочь своей дочери выйти из кареты, и увидел, что Ив с интересом разглядывает красивый дом, уютно расположившийся среди холмов Уилшира, словно драгоценность на светло-зеленом бархате.

– Папа, если бы я помнила, что Фарензе-Лодж так красив, я бы давно заставила тебя съездить сюда со мной. Но мне вспоминается только, как я упала с лестницы и разбила себе коленку, а тетя Виржиния дала мне леденец. Вот и все, – сказала она.

Подавая руку ее горничной, которая, несмотря на свой крошечный рост, обладала поистине недюжинными достоинствами, Люк невольно испытал острое чувство вины за то, что увез отсюда Ив, не желая оставаться здесь ни одного лишнего дня.

– Неудивительно, что тебе запомнился именно этот эпизод. Но ты права, этот дом действительно прекрасен, – сказал он, еще раз взглянув на виллу, построенную в палладианском стиле, чью лаконичную элегантность нельзя было не оценить.

И все же, чтобы почувствовать этот дом своим, Люку предстояло избавиться от ощущения пустоты, поселившейся здесь после смерти последней виконтессы Фарензе. Он должен был сделать так, чтобы Ив не стала слишком сильно скучать без своей двоюродной бабушки, чье отсутствие ощущалось здесь с особой остротой. И это не говоря уже о той болезненной тоске и разочаровании, которые овладевали им самим под этой крышей и которые ему хотелось как можно лучше спрятать от чужих глаз.

– Теперь он не кажется мне таким огромным, как тогда, – заявила Ив, желавшая поддержать отца ничуть не меньше, чем он ее.

– Конечно нет, ведь, несмотря на все его изящество и классические пропорции, он был построен, как обычный частный дом, – немного рассеянно ответил Люк. И теперь этот дом находился в полном распоряжении пребывающей в печали прислуги и совершенно невозможной экономки.

От одной мысли о том, что внутри этого прелестного тихого дома его ждет миссис Хлоя Уитен, он лишь чудом удержался от того, чтобы не застонать, и снова испытал угрызения совести из-за того, что ему предстояло ее выселить. Люк не мог существовать под одной крышей с Хлоей Уитен, хотя по-прежнему с нетерпением ждал встречи с ней, чтобы понять, чувствует ли она такую же нестерпимо болезненную горечь, что и он, теперь, после десяти лет, в течение которых они тщательно избегали друг друга.

– Виржиния и Виржил очень любили здешний покой, хотя я уверен, если бы он захотел жить в Даркмере, ей бы ничего не оставалось, как полюбить его. К счастью, Виржил всегда чувствовал себя гораздо счастливее здесь, в этом доме, который они сами создали для себя, – пояснил Люк дочери.

Он должен был любым способом отвлечься от мысли, что миссис Хлоя Уитен снова находится рядом. Иначе все кончилось бы тем, что, вопреки здравому смыслу, он снова стал бы хотеть ее. Хлоя Уитен была вдовой с маленькой дочерью на руках, и Люк не имел никакого права желать ее. Не имел права на ту безрассудную непрестанную боль, которую испытывал, находясь с ней в одной стране, не говоря уже об одном доме.

– Я не помню твоего дядю Виржила, папа, но на том портрете, что висит в галерее, он кажется слишком распутным и циничным, чтобы любить кого-нибудь по-настоящему, какой бы прелестной ни была шестьдесят лет назад тетя Виржиния.

– Да, но портрет был написан еще до того, как они встретились, а Виржиния была женщиной с характером и, если верить ее портретам, отличалась необыкновенной красотой. Я убежден, что они были самой преданной друг другу парой, какую я когда-либо встречал. Кроме того, я полагаю, что меня можно считать гораздо большим циником, чем Виржила, –

сказал Люк с улыбкой, которая получилась какой-то кривой. Впервые с тех пор, как Виржиния навечно соединилась со своим возлюбленным, Люк понял, как ему не хватает их обоих.

– Я совсем не уверена, что ты такой твердолобый скептик, как тебе кажется. Но это очень милый дом, и в нем определенно чувствуется, что он построен с любовью.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – отозвался Люк, бросив задумчивый взгляд на живописный вид.

В отличие от прежнего лорда Фарензе, он любил замок Даркмер, любил суровую красоту его фантастических, открытых всем ветрам окрестностей. И все же он не мог не признавать привлекательности этого более компактного и современного здания, когда нужно было укрыться в такой ледяной январский день, как этот, и если он хочет, чтобы этот дом оставался таким же радушным и элегантным, каким всегда хотели видеть его Виржиния и Виржил, ему придется проводить здесь какую-то часть года. Люк бросил задумчивый взгляд на расстилающиеся вокруг холмы и сочные лужайки и решил, что если бы он сказал, что испытывает по этому поводу смешанные чувства, большинство людей сочли бы его глупцом или лжецом. Да. Если он останется здесь надолго, миссис Хлое Уитен придется уехать во имя их же общего блага.

Как раз в тот момент, когда Люк снова утвердился в правильности своего решения, он увидел стройную женскую фигуру, появившуюся за полуопущенной маркизой в одном из высоких окон спальни Виржинии. Он почувствовал, как сердце, дернувшись, забилося в два раза чаще, когда под его пристальным взглядом молодая экономка Фарензе-Лодж заметно вздрогнула. Хотя в остальном она встретила его с гордо вздернутым подбородком и ледяным самообладанием, которому Люк мог только позавидовать.

Люк ответил ей яростным голодным взглядом, и вспышка непрошеного желания пронзила низ живота, словно острые когти хищной птицы. Ему захотелось выругаться, но он не мог позволить себе даже этого, стоявшая рядом Ив услышала бы каждое слово. Похоже, милорд Фарензе хотел эту треклятую женщину ничуть не меньше, чем прежде. Но так же как прежде он не мог получить ее.

Он здесь, шепнул безумный голос сирены, когда Хлоя увидела, что перед ней стоит причина всех ее проблем. Она изо всех сил старалась делать вид, что не замечает его. *Он наконец вернулся к тебе*, томительно шептал голос. Хлое так хотелось навсегда заглушить его, но виконт Фарензе тревожным фантомом снова и снова возникал в ее жизни, отказываясь отступить в темноту небытия, куда она старательно пыталась отправить воспоминания о холодном джентльмене с тяжелым характером, каковым считала лорда Фарензе. С тех пор как болезнь Виржинии усугубилась настолько, что они утратили надежду на ее выздоровление, мысль о возвращении виконта, который непременно должен был приехать оплакать любимую бабушку, только добавляла ей горечи.

И все же, стоило ему ступить на мягко поскрипывающий гравий дороги, как в воздухе повисли невысказанные обвинения. Хлоя прекрасно помнила, как стала предметом неуместного проявления его инстинктов в его первый приезд в Фарензе-Лодж. Тогда почему она стояла и, не отрываясь, смотрела на него, как идиотка? Лорд Фарензе надменно поднял бровь, словно спрашивал, по какому праву она так пялится на него. Так или иначе, он был хозяином Фарензе-Лодж, а она всего лишь экономкой. Но ее глупая душа так изголодалась, что, даже дав ему понять, что не собирается прятаться и дрожать от одного его вида, Хлоя не могла отвести глаз.

– Ненормальная, – тихо обругала она себя.

Виконт выглядел властным, решительным и своенравным, как обычно. Когда он сдернул с головы шляпу, отвешивая ей насмешливый полупоклон, Хлоя заметила, что его не по моде длинные волосы цвета воронова крыла еще не тронула седина. Темные брови рез-

кой линией оттеняли глаза, которые вовсе не были обычного серого цвета, как ей виделось отсюда. Вблизи они являли собой такое же сложное сочетание, как и весь он: серебристо-серые, иногда казавшиеся холодными как лед, но с тщательно скрываемыми золотыми нотками поэзии и с зеленью страсти в самом центре. Хлоя невольно задумалась, могли ли эти чувства умереть в нем после того, как этот человек так долго отказывался признавать их существование.

Вспоминая время, когда неистовый вихрь его желаний и страсти едва не привел их к катастрофе, она, как могла, старалась сделать вид, что ее дрожь вызвана холодной погодой и последними печальными событиями, а не воспоминанием о Люке Уинтерли, которого никто в Фарензе-Лодж не узнал бы в холодном лорде, стоявшем на повороте подъездной дороги. Сердитая влюбленная девочка, которой она была десять лет назад, тосковала о нем, как потерявшийся щенок, но повзрослевшая миссис Уитен содрогалась от одной мысли о том, что могла поддаться пылким, но ложным посулам молодого и чувствительного лорда Фарензе, и точно знала, что была права, сказав ему «нет».

– Кто это, дорогая? – спросила со своего кресла, стоявшего возле роскошной огромной кровати, Калдроуз, старая камеристка ее почившей хозяйки.

– Это лорд Фарензе, Калли, – ответила Хлоя с невольным вздохом и тут же почувствовала на своей спине пристальный взгляд старушки.

– Это очень хорошо, что он успел. Но почему ты назвала его «ненормальным»? Едва ли он мог добраться сюда быстрее.

– У тебя отличный слух, Калли. Но я не имела в виду лорда Фарензе, – ответила Хлоя, пообещав себе на будущее, что освободится от заволаживающего действия его неотразимого взгляда.

– Может быть, я седая старуха, но мой разум еще не отправился на покой. Любая женщина, имеющая два глаза, не может не заметить, что его высочество видный мужчина. И ты сделаешь очень большую глупость, если потеряешь из-за него голову.

– Не потеряю, – буркнула Хлоя и отвернулась в сторону, предварительно с достоинством кивнув виконту, как будто хотела сказать: *я видела вас, милорд. И в ответ на ваш любезный поклон скажу, что отныне буду избегать вас, как чумы.*

Что такого особенного было в этой женщине, что, даже взглянув на нее издалека, он почувствовал, как внутри вспыхнуло обжигающее пламя? – спрашивал себя Люк, когда, обменявшись с ним долгим взглядом, Хлоя наконец отвела глаза. Он больше не хотел, чтобы ему напоминали, как он оказался с ней в свое время на краю пропасти. Вздурораженный и рассерженный чувствами, о которых теперь ему не хотелось даже думать, Люк не нашел ничего лучше, чем дать ледяному январскому ветру остудить пробудившегося внутри зверя, и содрогнулся от мысли о том, как жестоко было бы погубить репутацию порядочной женщины и вовлечь ее в скандал, лишив тем самым ее маленькую дочку надежд на достойное будущее.

В свои тридцать шесть лет Люк уже не был зеленым юнцом, думающим только о женщинах и постоянно рвущимся утолить свою похоть. Если она могла отвернуться от него с таким холодным презрением, то и он сможет пережить свое пребывание здесь, не стремясь заполучить в свою постель ее великолепное тело. Хлоя была старшей, но все же прислугой. Люку вспомнились незавидные судьбы подобных женщин, чьи любовники желали их с такой силой, что в отчаянии женились, несмотря на разницу в положении. Возможно, теперь Хлоя Уитен уже не так нравилась ему, но, даже вопреки тому невероятному наслаждению, которое они могли бы доставить друг другу, не будь ее сопротивление таким твердым, он не мог желать такой судьбы для женщины, которую уважал за силу характера.

– Интересно, что это значит – любить кого-то так глубоко, как Виржиния? – в задумчивости пробормотала Ив, возвращая Люка к реальности. Его сердце испуганно екнуло при мысли, что его дочь унаследовала нелепые романтические представления своей матери.

– Могу себе представить, как это опасно и болезненно, – резко бросил он в ответ.

– А я думаю, что это изумительно и восхитительно, любить правильного человека и чувствовать ответную любовь, папа.

– Твоя мать только и делала, что подтверждала эти слова, – предостерег дочь Люк, с дрожью вспоминая бесконечные «влюбленности» своей жены, после того как она в конце концов решила, что ее молодой супруг не является воплощением ее идеала.

Временами отголоски взбалмошных выходок Памелы в поведении дочери пугали его, когда она упрямо надувала губы или очертя голову вылетала из комнаты. Но его Ив была слишком добра, чтобы обращаться с человеком как с бесчувственным деревянным чурбаном, и Люк часто удивлялся тому, что в таком несчастливом браке мог родиться такой любящий ребенок.

– Прошу тебя, Ив, когда соберешься замуж, выбери кого-нибудь достойного тебя, – предупредил он. – Не останавливайся на первом попавшемся кавалере, который скажет, что любит тебя. Да и на втором тоже.

– Я не глупая, папа. Я непременно найду себе хорошего человека, с которым смогу прожить всю жизнь. А ты, если не позаботишься о себе, закончишь свою жизнь старым одиноким циником.

– Прежде чем я найду себе подходящую жену, мне хотелось бы устроить твою жизнь.

Ив сделала круглые глаза и поморщилась.

– Подходящую? – с сомнением повторила она. – Тете Виржинии было бы противно слышать, что ты это говоришь. Звучит так, будто ты собираешься выбирать жену в лавке и ждешь, что тебе доставят ее прямо к алтарю в полном свадебном облачении и с необходимым сопровождением.

– Несмотря на всю вашу дерзость, юная мисс, должен признать, что Виржиния была бы не в восторге от этой идеи, – сказал Люк. Ему слишком живо вспомнился последний разговор с двоюродной бабушкой по поводу его возможной женитьбы.

– Ты женился на этой дуре только потому, что твой отец и мачеха вбили тебе в голову, что это хорошая мысль и как раз ко времени, – негодовала Виржиния, когда он имел неосторожность поделиться с ней своими планами о повторной женитьбе после того, как Ив будет пристроена. – Если ты намерен жениться на «подходящей» молодой леди, то, по крайней мере, будь любезен влюбиться в нее.

Заметив скептическую улыбку, появившуюся у него на лице при мысли, что он должен полюбить женщину, на которой женится, чтобы обзавестись наследником, Виржиния устало вздохнула.

– Нет, – сказала она, будто говорила сама с собой. – Ни одна женщина не заслуживает того, чтобы выйти замуж за холодную рыбу, которую ты из себя изображаешь, а потом смотреть, как ты влюбишься в какую-нибудь развязную девицу. Ты страстный мужчина, хоть и скрываешь это под своими чопорными манерами, черт бы их побрал. Еще один брак вроде предыдущего, и тебе придет конец. И не воображай, что тебе удастся во второй раз получить хорошего ребенка от какой-нибудь дурехи. Такой удачи не заслуживает ни один смертный.

– Я не из тех мужчин, которых любят, – хмуро отозвался Люк. Судя по энтузиазму его супруги, он был достаточно хорошим любовником, но похоть еще не любовь.

– Значит, мы с твоей Ив втайне тебя недолюбливаем, верно? – возразила Виржиния. – А твои прислуга и арендаторы тоже ненавидят тебя, как я полагаю? Очевидно, когда они имеют с тобой дело, ты либо пребываешь в задумчивости, либо рычишь на них, потому что ты достаточно хорошо платишь им, не поджигая их дома ради потехи и не охотишься за

их женщинами, когда тебе приспичит удовлетворить свои желания. Ты женился на пустоголовой кокетке, посвятившей всю свою жизнь тому, чтобы влюбляться в каждого мошенника, которого ей удавалось увлечь, в то время как у нее был добрый красивый муж. Но это не твоя вина, Люк. Твой отец знал, что умирает, и заставил тебя жениться слишком молодым. И к счастью для этой старой ведьмы, твоей мачехи, Памела родила дочь, прежде чем сбежать с первым попавшимся мерзавцем.

– Это и для меня счастье. Я нежно люблю Ив, – сухо сказал Люк.

– Да, да, я знаю, и случись что, твоим наследником будет Джеймс. Но ему нужно не это, он должен сам встать на ноги. А твой второй брак станет еще большим кошмаром, чем первый, если только ты женишься на «подходящей» женщине, – для большей уверенности предупредила она с нарочитой серьезностью.

– Если бы я знал, что Джеймс будет блюсти интересы Уинтерли с такой же самоотверженностью, с которой он предается пьянству, гонкам на колясках и игре, он получил бы от меня безоговорочное благословение. Если бы я знал, что, когда придет мое время встретиться с Создателем, я оставлю своих арендаторов в надежных руках, мне не было бы нужды снова жениться.

– Возможно, но Джеймс не может всю жизнь ждать, когда придет время занять твое место, он заслуживает лучшего.

– Неужели? – резко возразил Люк, удивившись, неужели даже Виржиния не догадывается, какая глубокая пропасть пролегла между братьями.

– Папа? – снова прервала его раздумья Ив, и он невольно подумал, как Хлоя Уитен одним своим появлением в окне обратила в дым всю его решимость.

– Мне надо было заставить тебя остаться дома, Ив. Виржиния не хотела, чтобы ее кто-нибудь оплакивал, а прислуга слишком любила ее, чтобы вести себя так, будто ничего не случилось.

– Но это ведь жизнь, а не красивая сказка, папа, – пожурела его дочь, словно это она была взрослой, а он шестнадцатилетним юношей.

– Тогда, раз уж ты приехала, нам лучше пойти и посмотреть, как встретит нас этот дом без Виржинии.

– Да, пойдем. Я тоже ее любила.

– А она тебя просто обожала с того самого дня, когда взглянула на крикливого ребенка, каким ты была, моя Ив. В то время никто кроме нее не был на это способен, потому что ты орала, как банши, из-за резавшихся зубов, и все остальные не знали, куда деться. А пока ты не выросла настолько, что мы смогли поехать с ней в Брайтон подышать воздухом и походить по магазинам, Виржиния каждое лето проводила по три месяца в Даркмере. Учитывая, насколько ей не нравилось это место, ты должна понимать, как она тебя любила.

– Я знаю, – сказала Ив с таким потеряннным взглядом, что Люку захотелось обнять ее и тут же отправить назад в Даркмер. Но он знал, что она права: его дочь была почти взрослой. Он должен позволить ей самой решать за себя, даже если это идет вразрез с его инстинктивным желанием оберегать ее от всего, что может ее ранить. – Почему мы не приезжали сюда, когда я была маленькой, папа? – спросила она. – Ты никогда не оставался в Фарензе-Лодж дольше, чем на несколько дней, хотя, кажется, любишь его не меньше, чем Даркмер.

– Так было проще, – осторожно ответил Люк.

Проще для него, потому что он мог либо остаться здесь и, подливая масла в разгоравшийся между ними огонь до тех пор, пока Хлоя не сдалась бы, сделать ее своей любовницей, либо старательно тушить его, избегая общения с ней. Тогда, много лет назад у этой дамы нашлось много что сказать, когда он предложил ей это. Осада грозила быть долгой, но что-то подсказывало Люку, что она завершилась бы победой.

Так о какой любви могла идти речь? Да он и не любил эту женщину, а она уж точно не любила его. Он подождет год-другой, а когда Ив определится со своим будущим, найдет себе подходящую жену. Ему прекрасно подойдет какая-нибудь миловидная покладистая молодая вдова или приятная особа, незаслуженно засидевшаяся в старых девах, на которой он сможет жениться, чтобы завести наследника. Но даже теперь, когда здравый смысл укрепил его более чем разумный план, в сознание Люка проник образ миссис Хлои Уитен, совсем непохожий на ту женщину с печальными глазами, которую только что видел, и он с трудом сдержал проклятие.

В тот летний день, когда Хлоя впервые ворвалась в его жизнь, она казалась такой живой, такой открытой, такой до смешного юной и поразительно красивой. Та Хлоя Уитен пробудила в его душе нечто такое, для чего в свои двадцать шесть он считал себя уже слишком усталым и циничным. Люк нахмурился, как и тогда, потому что знал, что люди, ощущавшие в себе эту живость, обречены страдать. Ему не хотелось бы узнать, что пылкое юное существо с золотисто-рыжими локонами, выбивавшимися из-под ленты, которой она пыталась их завязать, стало таким же зажатым и разочарованным, как он сам. И все же в женщине, которую он только что видел, не было ничего похожего на ту неотразимо светлую девочку, которую он встретил в тот далекий день.

Ему каким-то образом удалось тогда заставить себя отойти в сторону, и она, помахивая шляпкой, которую несла за ленты, отправилась к себе домой, унося в сердце самые невероятные мечты, которые ему так хотелось бы сделать реальностью. Но нет, он с сожалением подумал, что слишком ожесточен и испорчен для такой наивной юной леди, даже несмотря на то, что, встретившись взглядом с ее удивительными фиалковыми глазами, он едва удержался, чтобы, забыв обо всем на свете, не утонуть в них, словно знал их всегда. Сесть на лошадь и ускакать от нее показалось Люку самым трудным из всего, что он когда-либо делал. Но в этот раз разочарование наступило даже быстрее, чем когда-то растаяли его иллюзии насчет Памелы.

Уже через пару часов он узнал, что эта девочка – новая компаньонка Виржинии и ее будущая экономка – возвращалась домой от няни, где навещала свою маленькую дочку. Что она вдова, и ей двадцать два года, хотя он не дал бы и восемнадцати. Виржиния рассказала, что ей очень хорошо известна печальная история миссис Хлои Уитен. И все же за последнее время ей никогда не было так весело. Как он мог покуситься на эту девушку, когда Виржиния и в самом деле снова была полна жизни, как и до смерти своего любимого Виржила?

Гневный отказ, последовавший десять лет назад в ответ на его предложение вступить с ним в связь, до сих пор звучал у него в ушах. Хлоя назвала его отвратительным надменным ловеласом. Если она до сих пор испытывала то же дьявольское возбуждение, которое ревущей волной накатывало на Люка каждый раз, когда она попадалась ему на глаза, то очень хорошо научилась его скрывать.

Люк потрянул головой и возблагодарил небеса, что надел длинное пальто, скрывавшее тот факт, насколько рьяно его тело противилось строгим приказам разума в отношении экономки. Оторвав взгляд от опустевших окон, он молча послал очередное проклятие собственной глупости.

Глава 2

– Кто это был, папа? – спросила Ив.

– Кого ты имеешь в виду? – сдавленным голосом, словно мальчишка-школьник, пойманный на вопиющем вранье, переспросил Люк, подумав о том, в какого еще неизвестного зверя превратит его эта проклятая женщина.

– Та леди в окне.

– Наверное, горничная, взбудораженная прибытием скорбящих родственников.

– Скорее она похожа на экономку, хотя, если так, она выглядит очень молодо для такой ответственной роли.

– Так оно и есть, – хмуро отозвался Люк. – Должно быть, она познакомилась с Уитеном прямо в школьном классе.

– Ради бога, кто такой Уитен? Папа, похоже, январский воздух затуманил тебе голову, вместо того чтобы освежить ее, как ты заявлял, когда просил нас считать церковные шпилы и серых кобыл, а сам почти всю дорогу сюда проскакал верхом.

– Я думал, у вас достаточно много вопросов по поводу того, кто, что и когда будет делать здесь в течение недели, и вам нужно время, чтобы их обдумать.

– Клевета! Мы совсем не собираемся здесь командовать, правда, Брэн? – Ив бросила внимательный взгляд на свою миниатюрную бывшую няню, ставшую теперь ее горничной.

– Но даже если мы этим занимались, то уже давно успели наговориться, – отозвалась преданная дуэнья, бросив на Люка острый взгляд, говоривший ему о том, что, в отличие от его невинной дочери, она прекрасно поняла дуэль характеров, только что состоявшуюся между ним и Хлоей Уитен.

– Ладно, раз уж мы здесь, то у вас будет скорее слишком много, чем слишком мало собеседников, с которыми придется общаться, – предупредил он, пока они поднимались по невысоким ступеням.

Висевшая над дверью мемориальная табличка с гербом скорбно напомнила им о цели их приезда, и Люк почувствовал, каким странным и неправильным стал этот дом без той женщины, которая так долго жила и любила в нем, всегда с радостью встречая его здесь. Люк вздохнул и сказал себе, что пройдет несколько дней и безжалостная жизнь пойдет дальше, что бы он об этом ни думал.

– С его высочеством приехала мисс Уинтерли, – заметила Хлоя, отвернувшись от окна и желая лишь одного – как можно дольше избегать встречи с хозяином дома.

– Не сомневаюсь, что она долго упрашивала мистера Люка, чтобы он взял ее с собой. Он очень заботлив. Хороший отец и добрый человек, что бы ни говорила о нем его мачеха.

– Полагаю, он вряд ли обращает внимание на то, что она говорит, – рассеянно пробормотала Хлоя.

Испытав на себе обратную сторону его заботливой натуры, она чувствовала, что недоверие, с которым Люк Уинтерли относился к ней все эти десять лет, ранит ее сильнее, чем должно бы. Можно подумать, его удивляло, что она давным-давно не сбежала отсюда, прихватив драгоценности Виржинии и деньги на хозяйство.

– Эта женщина превратила жизнь бедного мальчика в сущий кошмар. Не понимаю, как мастер Освальд мог жениться на ней. Мистер Окем слышал, как она говорила мистеру Джеймсу, что теперь, когда семья собралась здесь, чтобы «зарыть в могилу старую потаскуху» – так эта отвратительная старая ворона выразилась, – надо сделать все что угодно, лишь бы очернить имя мистера Люка. Если бы леди Виржиния была жива, она не пустила бы ее на порог, но у мистера Люка слишком доброе сердце, и я не сомневаюсь, что он позволит ей остаться.

– Я уверена, что теперь, когда его светлость здесь, миссис Уинтерли будет держать себя в руках, что бы она ни говорила своему сыну. Похоже, лорд Фарензе внушает ей настоящий ужас, к тому же я слышала, что от него зависит размер ее содержания.

– Тогда я надеюсь, что в один прекрасный день он его урежет, потому что она не заслуживает ничего другого.

– С меня довольно проблем и несчастий, так что прошу тебя, Калли, не вздумай подложить ей в суп какую-нибудь гадость. Если она вообразит, что очень больна, то может вообще никогда не убраться отсюда. Ты только представь, как будет ужасно, если она вдруг здесь приживется.

– Я подсыплю ей в кофе слабительное, и она быстренько уберется. Скатертью дорога.

– Нет, уж лучше потерпи неделю, пока все гости не разъедутся и не оставят тебя в покое, – поспешила сказать Хлоя, пытаясь не задаваться вопросом, где к тому времени будет она сама.

– Пожалуй, ты права, – нехотя согласилась Калдроуз, – но так тяжело молчать, слыша подобные высказывания, когда мы так любили ее высочество. Я не хочу, чтобы ее имя порочили теперь, когда она не может постоять за себя.

– Никто не станет делать этого на похоронах. Это было бы слишком бессердечно и неблагородно.

Калдроуз громко фыркнула.

– Вчера я застучала эту женщину, когда она прокралась в будуар ее светлости. Она рылась в ее письмах и личных вещах, как будто имеет право делать здесь все, что ей нравится. Хорошо еще, что мы заперли в кладовке драгоценности леди Виржинии, после того как Окем поймал эту мисс Карботл с бриллиантовой брошкой ее светлости, которую она хотела взять якобы на память. Нечего сказать, на память. Да она настоящая сорока-воровка.

– У нее действительно есть привычка тащить что-нибудь красивое, блестящее, что плохо лежит. Ее сестра всегда приносит это назад, но я рада, что ты избавила ее от конфуза. А теперь мне надо спуститься вниз, поприветствовать мисс Уинтерли, раз уж теперь она новая хозяйка этого дома. Обещай, что не будешь настраивать прислугу против нее, Калли? Нам и так достаточно тяжело.

– Ты знаешь, я всегда привыкла говорить им то, что думаю, и советоваться с ними, но я ни слова не пророню перед господами. Но помани мое слово, миссис Уинтерли не понравится, что мисс Ив будет хозяйкой этого дома, пока его светлость снова не женится.

– Я запомню, – сказала Хлоя, направляясь вниз, чтобы исполнить свои обязанности.

Она думала, как глупо было чувствовать себя так, словно ей в сердце вонзили нож, при упоминании о повторной женитьбе лорда Фарензе. Ему нужен наследник. И лучше не думать о том, куда она пойдет, когда разъедутся гости. Лорд Фарензе не оставит ее здесь, да она и сама бы не осталась, даже если бы он захотел. Но у нее и в самом деле было еще много дел, прежде чем она сможет уйти, отдав последний долг своей бывшей хозяйке.

Люк сделал лакею знак закрыть за ними двери, чтобы не впускать внутрь ледяной восточный ветер, и с сожалением подумал, что не слышит повелительного голоса Виржинии, приказывающей немедленно войти, чтобы ей не пришлось дышать холодом с улицы.

– Благодарю вас, Окем, – сказал он, увидев, что дворецкий поставил кресла у зажженного камина и подал Ив и Брэн горячий пунш, чтобы они согрелись. – Я был бы очень рад сказать «добрый день», но, как мы с вами знаем, наши дела обстоят иначе.

– Определенно, милорд, – ответил старый слуга, печально покачивая головой, что было красноречивее всяких слов.

Даже сквозь негромкую возню прислуги Люк уловил шуршание и мягкий шелест нижних юбок миссис Уитен, спускавшейся по парадной лестнице, и попытался сделать вид,

что ничего не замечает. *Значит, она скрепя сердце решила поприветствовать нового хозяина дома?* Люк восхищался ее мужеством, хотя ему хотелось, чтобы оно ей изменило. Все его чувства обострились. Даже в наглухо закрытом траурном платье Хлоя казалась неотразимо прелестной, однако вблизи она выглядела еще более усталой и опустошенной. Чувство гораздо более опасное, чем простое желание, шевельнулось где-то в глубине, и Люку захотелось, чтобы она как можно скорее очутилась где-нибудь за сотни миль отсюда.

– Добрый день, миссис Уитен, – деревянным голосом произнес он. – Пожалуйста, покажите моей дочери и ее горничной их комнаты, а потом проследите, чтобы туда отнесли их багаж.

– Добрый день, милорд. Мисс Уинтерли, – ответила она, сделав вежливый реверанс.

– Добрый день, миссис Уитен, – произнесла Ив с улыбкой, которая, похоже, несколько смягчила обиженное напряжение упрямой женщины. – Я так много слышала о вас. Бабушка Виржиния постоянно передавала забавные высказывания вашей дочери и рассказывала о ее проделках, когда она была совсем маленькой. А теперь, когда уже ходит в школу, я слышала, она стала очень живой и смышленной девочкой.

– Под «живой и смышленной» местные жители обычно имеют в виду исчадие ада, портящее вокруг все, что подворачивается под руку. Если девочка похожа на вас в ее годы, мисс Ив, можно только посочувствовать миссис Уитен. Я могу написать целую книгу о том, что вы вытворяли, когда были ребенком, – сурово сказала Брэн.

Люк сделал вывод, что по какой-то причине миссис Уитен явно приглянулась Брэн. И если говорить о фактах, то с момента рождения из всех окружавших Ив миссис Брэнди Браун больше всех приблизилась к той, кого принято называть матерью. За неистовую любовь к его дочери виконт был благодарен этой миниатюрной дуэнье, лишившейся мужа и потерявшей собственного ребенка вскоре после рождения. И все же он предпочел бы, чтобы сейчас Брэн продемонстрировала свое обычное недоверие, которое испытывала ко всем слугам, которые смотрели сверху вниз на эту необычную горничную и камеристку. Меньше всего ему хотелось, чтобы его домашние сблизилась с Уитенами, хотя, если бы это отвлекло Ив от ее печали, он готов был потерпеть.

– Моя Верити ждет не дождется, когда познакомится с вами, мисс Уинтерли. Леди Виржиния рассказала ей столько самых невероятных сказок про замок, в котором вы живете, и про дикого Бордера Рейверса, который когда-то напал на него. И поскольку Верити удалось убедить учителей в том, что мне нужно, чтобы она вернулась домой, она будет здесь, как только за ней пошлют экипаж, – грустно сообщила Хлоя.

Улыбка смягчила ее крупный рот и самым очаровательным образом зажгла фиалковые глаза. Какой-нибудь поэт наверняка задрожал бы от восхищения, услышав, как она говорит о своем единственном ребенке. Даже небогатое воображение Люка пришло в волнение, когда золотисто-рыжий локон выбился из-под кружевного, с черной отделкой, чепца экономки, как будто хотел обнять ее лицо. Если бы дали свободу ее непокорным рыжим кудрям, они прильнули бы к ее лбу в жарком огненном поцелуе. А может быть, они свободными кольцами легли бы вдоль изящной линии ее длинной шеи на белые плечи, видневшиеся из-под платья, скроенного так, чтобы подчеркнуть ее женские прелести... Будь проклята поэзия! Эта женщина манила совершить самый откровенный грех, а вовсе не предаваться романтическим вздохам этих тупоголовых мечтателей, которым следовало бы проснуться для настоящей жизни.

– Возможно, она права, – мягко настаивала Ив, и Люку пришлось напрячь мозги, чтобы вспомнить, кто такая она и в чем она права. – Если бы я осталась в Нортамберленде и не поехала на похороны тети Виржинии, как хотел папа, я бы только сильнее тосковала о ней. Ваша дочь потеряла хорошего друга, миссис Уитен.

– А вы очень мудрая юная леди, мисс Уинтерли.

– О, сомневаюсь, но вы должны называть меня просто Ив, мэм.

– Едва ли я смогу это сделать, если вы будете так обращаться ко мне. К тому же экономке не пристало обращаться к вам по имени.

– Но вы ведь можете называть меня так, когда мы будем одни? А сейчас, я думаю, мы могли бы отдохнуть в моей комнате и попросить, чтобы нам подали чаю, верно? Нам надо обсудить, как лучше справиться с грядущими днями, и я бы предпочла, чтобы меня не называли мисс Уинтерли, когда мы будем это делать.

Слушая, как его замечательная дочь сделала то, что ему так и не удалось, и уговорила миссис Уинтерли подняться с ней наверх, чтобы выпить чаю и немного посплетничать, Люк тяжело вздохнул и обрел мужскую солидарность в глазах старого Окема. Они не понимали живительной силы чая и легкой болтовни и, возможно, никогда не поймут ее.

– Я наполнил графины в библиотеке, милорд, но, если хотите, я подам в вашу комнату лучшего Канарского вина из запасов старого хозяина. Мне кажется, мистер Слифорд и его тесть заняли бильярдную.

Уловив предостережение, скрывавшееся в этом бесстрастном сообщении, Люк пробормотал слова благодарности и отправился наверх. Он вошел в отдельные покои, которые занял по настоянию Виржинии, как будущий хозяин дома, через год после смерти дядюшки Виржила, и обрадовался тому, что миссис Уитен, готовясь к его возможному приезду, приказала разжечь камин во всех трех комнатах.

Сегодня он чувствовал благодарность за то тепло и уединение, которые давали ему эти покои, хотя поначалу сомневался, стоит ли соглашаться на них. Учítывая, как много народу съехалось на похороны тетушки, ему следовало радоваться любой возможности спокойно отдохнуть, которая представится ему в ближайшие дни.

Пока они потягивали чай и обсуждали приготовления, которые необходимо будет сделать в ближайшие дни, Хлоя гадала, почему мисс Эвелине Уинтерли разрешили находиться здесь в те десять дней, что Хлое оставалось жить под этой крышей. Лорд Фарензе с дочерью регулярно присоединялись к леди Виржинии в Брайтоне или в Рэмсгейте на несколько летних недель, но его визиты в Фарензе-Лодж всегда были короткими. Люк редко задерживался здесь больше чем на одну ночь, не говоря уже о том, чтобы остаться надолго или привезти с собой дочь. Хлоя почувствовала, как ее охватывает ярость от привычного понимания, что это она была причиной того, что он держал Ив подальше отсюда.

Правда, когда много лет назад Хлоя впервые появилась здесь в качестве компаньонки Виржинии с маленькой дочкой и без видимых признаков мужа, по окрестностям поползли скандальные слухи. Если бы соседи знали... мрачно подумала Хлоя, и ей показалось, что усталость вот-вот снова накроет ее с головой. Она постаралась пересилить ее, направив свой гнев на нового хозяина дома, чтобы придать себе сил. Возможно, ей и придется покинуть этот дом, но она намеревалась сделать это с достоинством.

– Леди Виржиния говорила, что вы мне понравитесь, если представится возможность узнать вас, миссис Уитен, и теперь я уже чувствую это, – сказала Ив Уинтерли, снова наполнив чашку для камеристки, даже не спросив, хочет ли она вторую, вместо того чтобы отдохнуть после долгого путешествия.

Такая близость между хозяйкой и горничной не должна удивлять, подумала Хлоя, ведь, зная обращение лорда Фарензе с теми, кто стоял ниже его, она не могла не заметить, что с дочерью он держался гораздо более либерально. После некоторых колебаний она пришла к выводу, что спокойствие, с которым он принимал роль миссис Браун в жизни его дочери, характеризует его с хорошей стороны.

– Я очень рада познакомиться с вами, мисс Уинтерли, даже несмотря на этот печальный повод.

– Вы будете скучать по леди Виржинии, как и все мы. Вы ведь так долго были ее компаньонкой и другом, – искренне сказала Ив, и все три женщины задумались над тем, как странно чувствовать, что ее больше нет. – Папа никогда не стремился получить этот дом, хотя он очень красив. Он всегда говорил, что Лодж – это дом тети Виржинии. Он даже слышать не хотел о том, что она переедет отсюда после того, как умер дядя Виржил. Дом действительно очень милый, правда? – спросила Ив, бросив на Хлою простодушный взгляд, которому та не слишком поверила.

– Он прекрасен, – осторожно ответила она.

– Неудивительно, что тетя Виржиния не смогла уехать отсюда после смерти дяди Виржила, хотя папа очень волновался за нее, когда пошли слухи о том, что она лишилась рассудка от горя, верно, Брэн?

– Конечно, он волновался. Бедная леди.

– Папа говорит, он сомневался, стоит ли ей оставаться жить здесь, но она терпеть не могла Даркмер, а про наш дом в Кенте сказала, что ноги ее там не будет. К тому же ему едва ли удалось бы выселить из вдовьего дома миссис Уинтерли, поэтому он бросил свои попытки, а когда Виржиния купила дом на Хилл-стрит, мы стали ездить туда как можно чаще. По крайней мере, так мне говорили, потому что тогда я была еще слишком маленькой и ничего не помню.

– Ее светлость считала вдовый дом в Кенте старым и мрачным. Она говорила, что все каминные там дымят, так что я сомневаюсь, что она захотела бы там жить, даже если бы вдовый дом пустовал, – заметила Хлоя, надеясь, что ее неприязнь к миссис Освальд Уинтерли не слишком заметна.

Будь у нее выбор, она ни на один день не хотела бы оказаться под началом этой дамы. А раз уж миссис Уинтерли хоть и неохотно, но согласилась переселиться во вдовый дом Хаслет-Холл из роскошного дома в Лондоне, который, как она неизвестно по какой причине считала, Люк Уинтерли должен был оставить ей, то Виржиния шарахалась от Хаслет-Холл как от чумы.

– Папа переделал несколько каминных труб, когда поместья Фарензе перешли к нему, поэтому я не думаю, что сейчас они дымят. Он не хотел, чтобы туда лазили мальчишки-трубочисты, и, если печник говорил, что трубы слишком узкие или кривые, чтобы прочистить их щеткой, он переделывал их так, чтобы не нужно было заставлять бедных маленьких мальчиков лезть в эту черноту, где они могут застрять и задохнуться.

– Моего младшего братишку отправили чистить каминные трубы, едва он начал ходить, и у него даже не успели вырасти зубы, когда он умер. Его светлость добрый человек, – настойчиво повторила миссис Брэнди Браун, а Ив Уинтерли, согласно кивнув, с интересом посмотрела на Хлою.

– Должно быть, так, если он это делает, – как можно тактичнее ответила она, пытаясь сделать вид, что виконт значит для нее не больше, чем любой другой добрый человек.

Ложь, шепнул более правдивый внутренний голос Хлои, хотя каким-то образом она заставила себя сделать вид, что это правда. Десять лет назад все ее существо тянулось к угрюмому, озлобленному Люку, лорду Фарензе. И хотя в свои семнадцать она мало чем отличалась от сердитого упрямого ребенка, маленькая дочка заставила ее быстро повзрослеть и понять, что она не может всегда получать то, что хочет, и должна вести себя достойно.

Хлоя вздохнула, вспомнив, что даже сегодня ощутила знакомый прилив жара, как в тот день, когда она впервые увидела виконта. Но нет, это уже неважно. То, что она чувствует, ничего не меняет. Ей оставалось только не попадаться ему на глаза в ближайшие несколько дней и подавить свои неравные желания, оставшиеся от того безумного времени, а потом она навсегда освободится от него.

И все же дьявольская внутренняя усталость не покидала ее, угрожая вернуть Хлою к запретным мечтам, если она хоть на миг потеряет контроль над собой. И прежде всего к старым фантазиям о том, какой стала бы Хлоя, если бы жизнь была устроена справедливо. Ей виделась прелестная обольстительная молодая леди, которая могла завоевать страстное поклонение угрюмого лорда Фарензе, и они, танцуя, отправлялись напрямик в розовое будущее. А он? Она представляла, каким невероятно нежным становилось его лицо, когда он говорил ей, как отчаянно стремится к ней каждой частицей своего существа, и его циничная оболочка таяла, словно мираж.

Хлоя в ужасе подняла опущенную голову, покрепче взяла пустую чайную чашку, которая едва не выскользнула из ее ослабевшей руки, и вздрогнула. *О господи, неужели я сказала что-то из этого вслух?* Но, видимо, к счастью, нет, потому что, когда она набралась храбрости, чтобы взглянуть в глаза своей новой подруги, она увидела в них только сочувствие.

– Надеюсь, вы не обидитесь на меня за то, что я скажу, миссис Уитен, но вам надо немного поспать, – посоветовала ей миссис Брэнди Браун.

Хлоя содрогнулась от мысли о тех коротких, наполненных ночными кошмарами отрывках сна, которыми она довольствовалась после смерти своей любимой хозяйки.

– Миссис Браун, вы же наверняка сами знаете по опыту тех лет, когда мисс Эвелина была маленькой, насколько долго женщина может обходиться без сна, – заставила она себя сказать, чтобы не признаваться в том, какой сонм пробудившихся старых воспоминаний набрасывался на нее во сне, пока она не стала избегать своей постели, как будто в ней пронос чертополох.

– Да, бывали ночи, когда бедная малютка кричала так, словно у нее сердце разрывается, и единственное, что я могла сделать, – это не расплакаться вместе с ней, – согласилась эта сильная маленькая женщина, бросив печальный любящий взгляд на девушку, которая выглядела теперь такой спокойной и уравновешенной, что в это трудно было поверить.

– Я прекрасно понимаю, о чем вы говорите, – сказала Хлоя, вспоминая собственные старания успокоить неугомонного ребенка, каким становилась Верити, когда у нее резались зубки, или она болела, или просто капризничала.

– Его высочество приспособился сажать маленькую мисс в заплечный мешок и проходил с ней много миль по торфяникам, пока она, наконец, не засыпала. А я оставалась дома и уговаривала себя, что с ними ничего не случится, что он видит в темноте как кошка и знает свои земли как собственные пять пальцев, пока тоже волей-неволей не засыпала. А вам приходилось одной справляться со своими делами и одновременно с этим вести хозяйство в таком большом доме. Похоже, вы стойко держались все эти годы. Но теперь мы здесь и, если вам нужен отдых, вы можете себе его позволить, – добавила Брэн с таким искренним обезоруживающим кивком, что Хлоя невольно подумала, а не является ли Божьим благословением то, что она может переложить свое бремя на другие плечи.

– Конечно, вы просто обязаны, миссис Уитен, – произнесла Ив с некоторой важностью, позаимствованной у отца, что выглядело весьма забавно при ее хрупкой внешности. – Что касается меня, то сон – это последнее, что приходит мне в голову после многочасовой дремы в закрытой карете, где больше просто нечем было заняться. А что ты скажешь, Брэн?

В маленькой комнате, примыкавшей к гардеробной, стояла удобная кровать для горничной, на случай если хозяйке захочется иметь ее под рукой. Ив бросила на нее красноречивый взгляд, и Брэн ответила на эту невысказанную мысль одобрителем кивком. Кровать как будто специально стояла для того, чтобы Хлоя могла немного отдохнуть.

– Я отлично вздремнула сегодня утром по пути в Бат, о чем вам очень хорошо известно, мисс Ив, поскольку вы постоянно меня в этом упрекали.

– Возможно, с моей стороны это нетактично, но нам надо закутаться в плащи и шали и пойти прогуляться в тот чудесный зимний сад, который я видела из окна на лестничной

площадке. Мне хочется размять ноги, да и голову освежить, пока не стемнело. Я распоряжусь, чтобы багаж не распаковывали до нашего возвращения, и вас никто не побеспокоит, миссис Уитен. А когда мы с Брэн придем назад, мы быстро сделаем все дела. Если надо, я могу быть очень придирчивой насчет того, как раскладывают мои вещи, так что никто не посмеет сюда войти.

– Она может, это уж точно, миссис Уитен, – самодовольно согласилась Брэн.

Хлоя почувствовала, как усталость давит на нее, и подумала, что один раз в жизни можно рискнуть осуществить свою мечту.

– Вы разбудите меня, когда вернетесь? – спросила она и поняла, что от усталости у нее заплетается язык, как будто Хлоя слишком долго сопротивлялась ей и теперь усталость наконец побеждала.

– Если вы сможете уснуть, когда мадам начнет здесь командовать, то вы крепче, чем я, – сказала Брэн, выходя их комнаты за своей юной госпожой.

Хлое едва хватило сил, чтобы снять башмаки, расстегнуть платье и дать ему соскользнуть на пол, и в тот же момент, когда ее голова коснулась подушки, она уснула.

– Она держалась из последних сил, вот что я вам скажу, – тихо прокомментировала Брэн, как только они с ее юной госпожой наконец незаметно выбрались из дома и смогли говорить свободно.

– Несчастливая леди, – заботливо вторила ей Ив.

– Да, мне тоже так кажется, – пробормотала Брэн и, заметив любопытный взгляд Ив, нахмурилась.

Брэн не верила, что история, которая заставила леди пойти в экономки, могла быть похожа на красивую сказку. Даже если она начиналась с гирлянд и роз, то, по опыту Брэн, редко заканчивалась тем же самым при ярком свете дня.

Глава 3

Люк дождался, пока его камердинер в сопровождении лакея поднялись наверх с багажом, который они несли так аккуратно, словно это сокровища короны, а затем, тяжело вздыхая, вышли из его приватной гостиной. Он задумался, зачем ему нужен такой дотошный камердинер: Люк был достаточно взрослым, чтобы самому справляться с одеванием, и умел завязать галстук так, чтобы не испугать лошадей. Впрочем, через год или около того, когда ему нужно будет выглядеть элегантно в связи с дебютом Ив и собственной компанией по поиску жены, это будет вполне разумно.

Услышав резкий голос мачехи, доносившийся из гостиной, и рокот мужских басов в бильярдной, Люк попытался найти покой в библиотеке. Там в кресле у камина устроился крестник Виржинии маркиз Мانتень, но Люк вздохнул с облегчением. Аура усталого вселенского цинизма, окружавшая Тома, по какой-то странной причине приводила женщин в страстное исступление, но не мешала ему быть хорошим товарищем и верным другом.

– Том, негодник! – воскликнул виконт и, несмотря на этот грустный день, искренне улыбнулся, крепко, по-мужски пожимая маркизу руку. – Когда ты приехал?

– Сегодня утром. Ты наверняка всю дорогу глотал мою пыль.

– Если не считать того, что ты ехал из Дербишира, а там уж скорее грязь, чем пыль.

– Какой я невнимательный, – растягивая слова, произнес Том.

– Только не пытайся убедить меня в том, что тебе нет дела до того, что тебя окружает, Том. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы ты мог заморочить мне голову своим напускным цинизмом, которым ты пользуешься, чтобы ставить всех в тупик. Лучше, как подобает доброму другу, расскажи, кто приехал сюда, чтобы порадовать наши скорбящие сердца, и сколько, по твоему мнению, мне придется их обхаживать.

– Тот, кто сказал тебе, что я добрый друг, очевидно, нуждается в том, чтобы его лишили иллюзий.

– Когда речь идет о моих друзьях, я не склонен обращать внимание на мнения других людей, мой дорогой маркиз, – возразил Люк, с улыбкой принимая бокал отменного бургундского, которое маркиз налил ему из стоявшего рядом с ним графина.

Ощувив расслабляющий эффект прекрасного вина и выслушав от Тома Бенбурга краткие, но пронизательные характеристики собравшихся у него гостей, виконт оставил приятеля наедине с бургундским и, избегая показываться на глаза собравшимся в бильярдной и в гостиной, отправился наверх, чтобы собственными глазами убедиться, что после всех тягот и неудобств долгого путешествия Ив и Брэн благополучно устроились.

* * *

Хлоя проснулась с тяжелой головой и, с трудом открыв глаза, попыталась сообразить, сколько времени она проспала. В первое мгновение она не могла понять, где находится, и ей пришлось приложить усилия, чтобы удержать глаза открытыми и снова не опуститься на постель. Однако мысль о Виржинии приказала Хлое вставать, чтобы снова встретиться с миром лицом к лицу, поэтому она несколько раз поморгала и постаралась стряхнуть с себя тяжелое покрывало сна, грозившее снова накрыть ее с головой.

Даже прислуга высшего ранга могла позволить себе роскошь как следует потянуться, поэтому Хлоя зевнула, с силой вытянула ноги, скользнувшие по тонкому хлопку узкой постели Брэнди Браун, и высоко подняла руки, чтобы снова ощутить их силу. Она трях-

нула головой, так что рыжие локоны упали вниз спутанной копной, и только тогда наконец поняла, как долго она спала, в то время как ей полагалось быть на ногах и заниматься делами.

– Брэй? – вопросительно произнес низкий мужской голос из-за слегка приоткрытой двери, и Хлоя почувствовала, что ее сердце забилося со скоростью гончей, бегущей за кроликом. – Не делайте вид, что вы спите, потому что пять минут назад я видел вас в саду. Где Ив и почему ваш багаж до сих пор находится в ее спальне?

Если бы Хлоя не была в одной нижней сорочке и с растрепанными волосами, она могла бы выйти и, ответив ему что-нибудь резкое, заставить уйти. Хотя в любом случае стоило попробовать. Если она будет говорить уверенно, может быть, он уйдет, боясь, что его застанут среди бела дня наедине со служанкой?

– Миссис Браун пошла с вашей дочерью подышать свежим воздухом, лорд Фарензе. Она постаралась сказать это таким голосом, как будто очень занята и ей недосуг отвечать на вопросы.

На какое-то мгновение воцарилась гробовая тишина. Хлоя почти почувствовала, как виконт вздрогнул, услышав из комнаты ее голос. Но, к несчастью, она не услышала, что он уходит. *Но действительно ли она хотела этого?* Как обычно, внутренний голос Хлои выбрал самый неудачный момент, чтобы взбунтоваться. Она приказала ему молчать и возвращаться в отведенную для него клетку. Хлоя действительно хотела, чтобы виконт ушел. Сидя на аккуратной маленькой кровати, она вся натянулась как струна в напряженном ожидании и в надежде, что Люк это сделает. И хотя что-то в той тишине, которая царила по ту сторону двери, говорило ей, что он по-прежнему там, женщина продолжала надеяться.

– Почему, черт возьми, вы занимаетесь вещами Ив, когда их могла распаковать любая другая горничная, если Брэн занята?

– Я... – Хлоя запнулась и сказала себе, что если бы не имела глупости так глубоко уснуть посреди дня, то в ее дурацкой голове наверняка нашелся бы какой-нибудь ответ, способный его удовлетворить.

– Вы что, проглотили язык? – спросил он. Ей показалось или в его растянутых словах и вправду слышались смешливые нотки?

Нет, не может быть. Кроме того, в ней нет ничего смешного. Они были не в тех отношениях, чтобы в его голосе мог звучать намек на игривость. Она сама вообразила себе это, и теперь ее внутреннее «я» снова занялось выдумыванием того, о чем ей нельзя было мечтать. Например, каково было бы проснуться в его постели с головой одурманенной сном и любовью, и разделить с ним любовную близость. Хотя в это самое время его насмешливый голос возвращал ее к тому, где она, кто она и с кем.

– Нет, мой язык в полном порядке, – выдавила в ответ Хлоя, как будто ей было просто некогда препираться с ним.

– Тогда идите сюда и разговаривайте со мной лицом к лицу. Я отказываюсь продолжать разговор через дверь.

– Я не могу. Я слишком занята сегодня, милорд, – с трудом выговорила Хлоя, услышав в собственном голосе панические нотки, когда почувствовала, что виконт подошел ближе к двери и мог в любую секунду обнаружить ее сидящей на кровати в непристойном виде.

– Не сомневаюсь, но, раз уж я теперь здесь хозяин, вам рано или поздно придется иметь со мной дело. Нужно как можно быстрее определить, что и как мы будем делать в ближайшие дни, и постараться справиться с этим наилучшим образом, а не ходить вокруг до около, а потом всю неделю заставлять прислугу метаться в попытке исполнить наши противоречивые указания.

– Хорошо, милорд, сейчас я закончу здесь и сразу спущусь к вам вниз, – ответила Хлоя, слыша, как неуверенно звучит ее собственный голос.

Нежелание спорить с ним и то, что она сидела здесь полураздетая, вкупе с тем, кем он мог бы стать для нее, если бы жизнь сложилась иначе, – все это она слышала в своем дрожащем голосе. Хлоя не смела пошевелиться из страха, что он услышит шуршание накрахмаленных простыней и догадается, что она в постели. Хлоя сидела застывшая, безмолвная и с ужасом затаила дыхание, когда виконт в конце концов потерял терпение и распахнул дверь.

Казалось, время замедлило свой ход, когда он, стремительно ворвавшись в маленькую комнатку, замер как вкопанный, словно его пригвоздило к месту заклинание злой ведьмы. Люк стоял и пожирал ее голодным взглядом. Как она могла так глупо обманывать себя, думая, что теперь между ними все кончено?

Конечно, он мог повернуться и уйти, оставив ее краснеть от смущения и злиться на саму себя за то, что она поддалась усталости и уговорам его дочери остаться здесь и уснуть. Но Люк не уходил, и в его глазах Хлоя видела все, что могло произойти. И это уже не казалось ей таким невероятным.

А в это время вторая сущность Хлои глядела на них откуда-то сверху и недоумевала, как могут два разумных человеческих существа, замерев, пялиться друг на друга, как будто все годы разлуки только и мечтали о том, когда же это случится. У другой ее сущности не хватило ума даже на то, чтобы скользнуть в постель и накрыться одеялом.

Теперь виконт выглядел так, будто в нем воплотились все те бароны-разбойники, которые когда-то основали его династию. Одним своим присутствием он, казалось, поглотил в комнате весь воздух вместе со здравым смыслом Хлои. *Совсем как хорошо одетая статуя принца-воина*, заметила распутная сущность Хлои. *Вот только если бы он не был так неподвижен и так тщательно одет...*

– Молчи, – шепнула Хлоя и тут же закрыла рот рукой. Боже, неужели она произнесла вслух обрывок спора, который вела со своей второй, порочной сущностью. И *он* был в комнате. Может, она и вправду сошла с ума?

На мгновение у Хлои мелькнула надежда, что сейчас она проснется и поймет, что видела его во сне, и ее мышцы слегка расслабились. Но нет, могучий пугающий лорд Фарензе стоял перед ней живьем. И этот живой человек пристально смотрел на нее, как будто был охвачен той же бурей противоречивых чувств, что и она.

– Я, кажется, ничего не говорил, – хрипло произнес он, как будто слова давались ему с трудом.

– Это не вы.

– Вы прячете под кроватью любовника?! – рявкнул виконт, как будто считал, что такой женщине, как она, не пристало этого делать, если она хочет сохранить чувство собственного достоинства.

Его горящий взгляд остановился на жарко вспыхнувших щеках Хлои, на ее затуманившихся от смущения глазах и копне спутанных ярко-рыжих кудрей.

– Нет, здесь слишком мало места, – задумчиво и более мягко произнес Люк, окинув взглядом крошечную комнатку, как будто никогда не видел ничего подобного. С выражением, подозрительно похожим на удовлетворение, он осмотрел пустое место под высокой, но узкой кроватью. – И нет запасной двери, куда мог бы скрыться трусливый любовник, если бы возникла опасность быть пойманным. Да и шкаф для этого маловат.

– У меня нет любовника.

Теперь Хлоя говорила голосом театральной героини, а про себя думала: как хорошо, что одеяло скрывает ее напрягшееся тело. Черные брови виконта приподнялись вверх, а на губах появилась циничная одобрительная улыбка, как будто он был рад тому, что она наконец пришла в себя. Хлое захотелось ударить его по губам, чтобы смахнуть ее с его лица и хотя бы на миг заставить не быть таким неотразимым.

– Любой мужчина, который застал бы вас в таком виде, стал бы вашим рабом с той самой минуты, как ему удалось бы заключить вас в объятия. Одно слово, и мы перенесемся по коридору в мои покои, где бродит лишь одинокое эхо, – полушутя предложил он.

– Нет, никогда, никогда! – торопливо воскликнула она, выпрямив спину и вздернув подбородок.

Виконт не мог знать, что Хлоя вся сгорала от огня, желая, чтобы он прикоснулся к ней. Даже кончики пальцев ног болели от желания поддаться соблазну, обращая в ложь ее убежденность в том, что между ними никогда ничего не будет после того, как десять лет назад в порыве гнева она сказала, что скорее умрет, чем станет его любовницей.

А Люк просто стоял, предоставив своим зовущим серым глазам разглядывать ее, как будто она специально сидела здесь, чтобы доставить ему это удовольствие. Он хотел ее. Желание горело в его взгляде с такой же очевидностью, как прилив жара, охвативший ее живот и ноги. Хлоя сжала их вместе под одеялом и тут же пожалела об этом, потому что это движение привлекло его внимание. Ее груди набухли, торчащие соски выпирали из-под слишком тонкой батистовой нижней рубашки.

– Ох, ну давайте же, мэм. – Люк скрипнул зубами, как будто ее отказ разозлил его больше, чем то, что он обнаружил ее полураздетой в постели Брэн, в то время как ей надо было работать. – У нас было десять лет на то, чтобы держать наши желания по разные стороны двери. Рано или поздно час расплаты настанет. Вы с этим не согласны?

– Ничего подобного нет и не будет. – Хлоя постаралась заявить это как можно более твердо.

Она не могла откинуть одеяло и броситься бежать, потому что ноги отказывались ее слушаться. Да и куда она могла убежать, не опозорившись перед всей прислугой и приехавшими гостями.

– Может быть, я глупец, миссис Уитен, но не настолько, чтобы делать вид, что мы сильнее охватившей нас страсти. Возможно, она причинит нам меньше вреда, если мы признаем ее существование, – хмуро сказал Люк, глядя ей в глаза.

Хлоя едва не произнесла вслух слова, вертевшиеся в голове: *почему бы не попробовать, а там видно будет?* Вот опять. Ее порочная внутренняя сущность шептала в уши греховные мысли и предлагала соблазны, которые, как ей казалось, Хлоя пресекла еще десять лет назад. Она передернулась, радуясь тому, что, несмотря на сонливость, до сих пор туманившую ее сознание, удержалась и не произнесла этих ужасных слов вслух.

Разве не из-за таких необдуманных фраз они с ее сестрой-близняшкой Дафной частенько попадали в юности в неловкие ситуации? Хлоя, как могла, заставила замолчать свою необузданную сущность. Если Хлоя будет достаточно осторожна, они с виконтом смогут избегать друг друга до ее отъезда.

– Возможно, вам это и не причинило бы особого вреда, – сердито пробормотала она, сложив на груди голые руки, потому что ей невыносимо было знать, что Люк прекрасно понял, как сильно ее влечет к нему.

– Я бы не был в этом слишком уверен, – резко бросил он. Теперь его жаркий взгляд остановился на выпуклостях ее груди. Хлоя посмотрела вниз и увидела, что, пытаясь скрыть от его зачарованного взгляда свои напряженные торчащие соски, она всего лишь сильнее подалась вперед. – Я всегда знал, что вы способны меня погубить, – прошептал Люк.

– Нет, никогда! – вскрикнула Хлоя, едва не поддавшись порыву скрестить ноги, чтобы сдержать жар желания и тоски, сжигавший ее лоно.

Он стоял перед ней, и это был не лихорадочный бред, с которым она слишком часто просыпалась в первые дни, недели и годы, после того как он умчался из Фарензе-Лодж, как будто за ним гнался сам дьявол. До сегодняшнего дня Хлоя думала, что ей удалось оттеснить свои безрассудные мечты о нем в ночную темноту, но теперь она поняла, что ошибалась.

– Если бы все было иначе, я одним поцелуем заставил бы вас проглотить эти слова. И вы это знаете, – мрачно сказал Люк.

– Но все именно так, как есть, верно? – прошептала Хлоя и чуть не заплакала о тех годах, которые провела в сожалениях из-за этих суровых слов. – Прошу вас, оставьте меня, милорд. Я никогда не позволяла себе заснуть, когда у меня было так много дел, и уверяю вас, такого больше не случится.

– Чушь, – сердито отрезал Люк. – Когда я первый раз увидел вас сегодня, у вас был такой вид, как будто вы вот-вот свалитесь, если в ближайшее время не приляжете. Вы слишком худая и выглядите так, словно всю неделю толком не спали и не ели.

– Я не могу спать, а еда не лезет мне в горло, – нехотя призналась Хлоя.

– Если будете продолжать в том же духе, вы доведете себя до болезни. Вы можете поступать с собой как вам угодно, но своим изнуренным видом вы можете напугать свою дочь. Девочка и без того очень страдает, потеряв Виржинию. Насколько мне известно, они очень сблизилась, пока она росла.

– Да, Верити ужасно переживает, – печально согласилась Хлоя, вспомнив, как она прижимала к себе своего рыдающего ребенка в тот день, когда, приехав в Бат, ей пришлось сказать дочке, что леди Виржиния умерла. Верити плакала так, словно ее маленькое сердечко разрывалось на части.

– Так съешьте что-нибудь и отправляйтесь в постель спать, вместо того чтобы бродить по коридорам как привидение и пугать прислугу, которая может подумать, что ее преследует призрак.

Голос виконта звучал неприветливо, но, когда он пристально всматривался в ее лицо, в глазах она заметила что-то похожее на искреннее беспокойство. Его тщательно скрываемая доброта тронула Хлою самым nepозволительным образом. Она смущенно потерла глаза, убрала за ухо назойливый локон и попыталась не смотреть на Люка с обожанием.

– Должно быть, я выгляжу, как драная кошка, – неосторожно шепнула она.

Виконт посмотрел на нее, как будто она сказала что-то смешное, но в самой глубине его серебристо-серых глаз блеснуло что-то такое, что Хлое захотелось утонуть в них и очень долго не возвращаться на землю.

– Вы не можете не знать, что красивы, – криво усмехнувшись, сказал Люк, как будто говорил сам с собой, а не обращался к ней.

Хлоя покачала головой и постаралась остаться равнодушной к тому, что он так думал.

– Но все равно вы слишком худая, – настойчиво повторил он, – и под глазами у вас темные круги, которым позавидовала бы героиня готического романа.

– Да, она бы осталась довольна, – опрометчиво согласилась Хлоя, и усмешка, тронувшая его прекрасные губы, расцвела настоящей улыбкой.

Между ними возникло какое-то неожиданно теплое и товарищеское чувство, дающее надежду, что они смогут преодолеть пропасть, разделявшую их в течение десяти лет. Хлоя почувствовала, что они снова балансируют на грани неизбежного. Это было так страшно и желанно, как будто даже их мысли были приговорены двигаться в одном направлении.

Люк протянул руку, как будто хотел смахнуть темные тени с ее глаз. Хлоя почти ощутила его прикосновение к своей коже и затаила дыхание. Она облизнула пересохшие губы и увидела, как он колеблется. И все же его по-прежнему влекло к ней невероятно сильное чувство. В глазах виконта мелькнуло любопытство и нетерпение, но он поспешно моргнул и снова стал прежним лордом Фарензе: холодным, надменным, циничным и таким же далеким от экономки Фарензе-Лодж, каким был всегда.

– Ив и Брэн возвращаются, – хрипло предупредил он Хлою и шепотом добавил: – Сделайте вид, как будто я сюда не входил. Ведите себя так, будто вы проснулись как раз в тот момент, когда они спросят, что я здесь делаю.

Глава 4

Не найдя что сказать, Хлоя кивнула, зарылась лицом в подушки и натянула одеяло на свои озябшие плечи.

– Ну вас! – упрямо пробурчала она в подушку. – Ну вас, милорд Фарензе!

Хлоя не боялась, что он ее услышит. Люк уже вышел за дверь и почти закрыл ее, прежде чем она скользнула глубже под одеяло, чтобы согреть свое дрожащее тело.

Услышав, как мисс Уинтерли громким голосом выражает свое удивление по поводу присутствия отца с явным намерением предупредить ее не вставать, чтобы не выдать себя, Хлоя почувствовала, как ее щеки вспыхнули от стыда. Она была слишком хорошо осведомлена о том, что Люк Уинтерли был здесь, и ощущала его присутствие каждой клеточкой своего тела.

– Ты взяла мою книгу, – пояснил он, и эта неубедительная отговорка, сказанная обиженным голосом, объясняла его присутствие, пожалуй, даже лучше, чем продуманная гладкая ложь, призванная скрыть непристойную тайну.

– Неужели ты не мог найти ничего подходящего в библиотеке, которую собрали у себя тетя Виржиния и дядя Виржил? – спросила Ив, как будто знала, что ее отец наткнулся на экономку, спящую в неподходящем месте, а главное, в самое неподходящее время. Но как она могла узнать?

– Там нет той, которую я читал, пока ты не стащила ее, – сердито ответил виконт.

– Но теперь я ее читаю, и получается, что ты хочешь стащить ее у меня. Папа, мне трудно поверить, что тебе так срочно понадобилась эта книга, особенно середь бела дня, когда у нас гости, а ты должен выступать в роли хозяина. Если же тебе нужен предлог, чтобы не проводить слишком много времени с гостями, которые приехали, чтобы выразить свое соболезнование, у тебя имеется длинный список дел, требующих твоего участия.

– Я не предполагал, что мне так необходимо будет отвлечься, – мрачно пробурчал он.

Хлоя поразились, услышав, каким угрюмым и смущенным был его голос, и почувствовала, как в груди снова просыпается соблазн.

– Не будь таким упрямым старым медведем, папа, – сказала Ив, и Хлоя услышала шуршание ее юбок, когда она подошла, чтобы обнять отца.

Трудно было не позавидовать той легкости, с которой Ив обходилась с отцом, ее способности пробить брешь в холодной неприступности, в которую он постоянно был облачен, как в латы.

– Постараюсь, моя девочка, но у меня предостаточно причин брюзжать по поводу ближайших дней.

– Да уж, – послышался откуда-то из глубины комнаты голос Брэнди Браун, – вам понадобится терпение, как у святого, пока эти стервятники наконец не разлетятся отсюда.

– Они не стервятники, Брэн, – упрекнула Ив.

– Мы не настолько хорошо их знаем, чтобы судить, моя козочка, – скептически заметила камеристка, и Хлоя подумала, что с таким прекрасным опекуном о благополучии Ив Уинтерли можно не беспокоиться.

– Я прекрасно знаю лорда Мантеня и дядюшку Жилия, и даже дядю Джеймса нельзя назвать дикарем, несмотря на его сарказм. Тетя Виржиния всегда старалась наставить его на путь истинный, так, может быть, он перевернет эту страницу в память о ней.

– Скорее я стану китайским императором, – услышала Хлоя мрачное бормотание лорда Фарензе и с удивлением подумала, почему эти сводные братья так настроены друг против друга.

– Нет, какой же ты ворчун, папа. Не могу понять, почему тебя так волнует книга, с которой ты, судя по всему, и так хорошо знаком, когда рядом находится твой брат, с которым можно в очередной раз поругаться. Осмелюсь сказать, что если начать сейчас, то к обеду дядя Джеймс уже вскипит, а к концу похорон тети Виржинии будет готов вызвать тебя на дуэль.

– Спасибо, дерзкая девчонка. У сплетников есть о чем поговорить и без нашей братской вражды или семейной ссоры. Не уверен, стоит ли после этого позволять тебе читать «Тома Джонса», похоже, он наводит тебя на странные мысли.

– В кабинете есть еще один экземпляр, если ты действительно хочешь читать с того места, где закончил, – сказала Ив вдогонку удаляющимся шагам отца. Хлое не хотелось, чтобы он уходил, и в то же время она была бы очень рада оказаться сейчас где-нибудь в другом месте, где могла бы делать вид, что не думает о нем. – Виржиния рассказала мне, где лежат все ее нескромные романы, на случай если мне когда-нибудь станет скучно в ее отсутствие. А еще она сказала, что все, что они с дядей Виржилом спрятали под замок, считается слишком откровенным, чтобы это читали юные девушки. Но я действительно не понимаю, почему старые девы подняли такой шум из-за чудесной книги мистера Филдинга.

– Тогда смотри, как бы тебя с ней не поймали, – заметил виконт. И будет лучше, если ты не станешь читать ее в светском обществе. Мне бы не хотелось, чтобы тебя стали считать фривольной девицей еще до того, как ты начнешь выезжать.

– Конечно, не буду, и перестань быть таким мнительным. Следующие несколько недель я буду такой примерной, что ты меня не узнаешь.

Единственным ответом, донесшимся до Хлои, было отдаленное мужское хмыканье, после чего Ив, предварительно велев горничной закрыть входную дверь, быстро распахнула ту, что вела в спальню, где в волнении и смущении на кровати сидела Хлоя.

– Та дверь закрыта, – доверительно сказала Ив с озорной улыбкой.

– Нам надо было запереть ее, – заметила Брэн. – Представьте, если бы его высочество открыл ее и обнаружил вас здесь спящей, миссис Уитен.

– Да, только представьте, – глухо повторила Хлоя. Притворно передернувшись, она соскочила с кровати и начала приводить себя в порядок.

– Я помогу, – предложила Брэн, когда Хлоя попыталась влезть в платье и одновременно с этим заколоть непослушные кудри. – Застегивайте платье, а я уложу вам волосы и надену чепец, хотя, на мой взгляд, жалко стягивать в узел и прятать такую красоту. Многие благородные дамы отдали бы все, что угодно, чтобы иметь такие густые и полные жизни волосы.

– Они непослушные и торчат во все стороны. Если бы я дала им свободу, у людей сложилось бы обо мне совершенно ложное впечатление. В любом случае мне уже почти тридцать, я уважаемая вдова, а не какая-нибудь дебютантка с распахнутыми глазами.

– Сейчас вы выглядите не намного старше их, – возразила Брэн, встретившись с Хлоей взглядом в квадратном зеркальце, висевшем над маленьким умывальным столиком.

– Я не могу себе позволить мечтать, – шепнула Хлоя.

– Никто из нас не может, но кого это останавливало?

– А о чем вы мечтаете, миссис Браун?

– О хорошем человеке для моей девочки, который любил бы ее такой, какая она есть, и не пытался сделать из нее светскую миссис, которая доброго слова никому не скажет.

– Кем бы он ни был, я не могу себе представить, что ему это удастся.

– Не можете, мэм? Значит, до сих пор вы были счастливой женщиной.

– Возможно, в этом вы правы, – согласилась Хлоя, вздрогнув от мысли о том, какими способами мужчина может воспитывать свою жену.

– Взять хоть его светлость. Такой человек, как он, позволил бы женщине быть самой собой и только еще сильнее любил бы ее за это, если вы понимаете, о чем я, – сказала Брэн,

закончив втыкать шпильки в непослушную копну волос Хлои. Она с неприязнью взглянула на чепец, прежде чем надеть его на Хлою, и со вздохом закончила свою работу.

– Мне кажется, он не похож на человека, ищущего любви, – возразила Хлоя.

– Да ладно. Одно дело – что мужчина говорит о том, чего хочет, а другое – чего он хочет на самом деле. Одно не всегда совпадает с другим, пока не появится нужная женщина, которая вправит ему мозги.

– Если бы я в этом разбиралась, то могла бы поспорить. Но я не разбираюсь, и, поскольку осталось чуть больше часа до того, как подадут обед, у нас нет времени на болтовню, – сказала Хлоя, бросив последний взгляд в зеркало, чтобы убедиться, что все снова в порядке.

– Оно и лучше, раз уж мы с вами никогда не сойдемся насчет его светлости.

– Возможно, – рассеянно согласилась Хлоя и, взяв ключи, повесила их себе на пояс. Едва слышно пролепетав слова благодарности, она вылетела из комнаты.

Люк спустился вниз в кабинет, проклиная бурлившее внутри его неистовое желание. Дело было не только в очаровании экономки. Он устал и слишком давно не навещал свою любовницу. А после долгого путешествия он ослабел и несколько утратил обычный контроль над собой и своими мужскими желаниями.

У Люка вырвалось очередное ругательство из-за болезненного возбуждения, возникшего от одной мысли о Хлое Уитен, сидевшей на опрятной узенькой кровати и смотревшей на него так, будто еще немного, и сбудутся его самые смелые фантазии о том, чтобы сделать ее своей любовницей. Конечно, он хотел ее, хотел с тех самых пор, когда она была до боли юной и неотразимо прекрасной девушкой с маленьким ребенком на руках. Люк почувствовал знакомый томительный жар неудовлетворенного желания, как будто его чувства, несмотря на все уговоры, отказывались подчиняться ему.

Какой-то неведомой частью своей души он понял, что Хлоя там, внутри, еще тогда, когда увидел слегка приоткрытую дверь и вещи Ив, сложенные на абиссинском ковре.

У Ив было достаточно доброе сердце, чтобы пренебречь своим комфортом ради женщины, которую она едва знала, потому что экономка выглядела очень усталой. Люк мог только гордиться своей дочерью, даже если хотел, чтобы она уехала. Ив поступила правильно, но теперь ему хотелось взбежать наверх и, схватив эту упрямую миссис Уитен в охапку, послать весь мир к черту и сделать то, что он считал неправильным.

Если он не собирается еще десять лет обходить Фарензе-Лодж стороной, как будто ненавидит этот дом, она должна уехать. Но он обязан найти место, где оценили бы ее умение, не замечая при этом ее изящной фигуры и прекрасных фиалковых глаз. Интересно, бывают ли экономки в монастырях? Люк с трудом разжал руки, сжавшиеся в кулаки от мысли о том, как на нее с вождением смотрит муж новой хозяйки или какой-нибудь долговязый олух сынок, и решил, что будет строго присматривать за миссис Уитен на новом месте.

Да, ему следовало доверять своей интуиции, но любопытство или что-то гораздо более опасное заставило его открыть ту дверь. А как только он ее открыл, уже не мог спокойно поклониться и уйти. С таким же успехом он мог бы перестать дышать. Даже теперь ему казалось, что в воздухе витает ее аромат. Хотя это была всего лишь лаванда в небольших мешочках, которую Виржиния всегда требовала раскладывать по комнатам, чтобы сделать воздух более приятным.

Люк подозревал, что Хлоя использовала лавандовую воду для полоскания своего белья. Другим экзотическим ароматом, который он связывал с ней, возможно, был мешочек с пряностями от моли, призванный уберечь ее траурный наряд от нашествия этих ненасытных существ. Значит, это была всего лишь смесь обычных луговых трав, корицы, фиалкового

корня и, может быть, гвоздики. Но память затуманила его разум, напоминая, какой соблазнительной была мысль поцеловать молочно-белую кожу у основания ее изящной шеи.

Отвергнув эту мысль, он не стал целовать ее и до сих пор чувствовал на языке этот вкус. Люк провел языком по губам, и воспоминание о том, как она делала то же самое, вспыхнув огнем, вынудило его застонать. После десяти лет отсутствия он по-прежнему хотел ее, хотел даже больше, чем когда увидел впервые. Но теперь они повзрослели, а значит, могли нанести друг другу гораздо больше вреда.

Теперь этот никому не нужный ребенок стал женщиной. Люк ошибался насчет того, что скрывалось под ее простым платьем: нынешняя Хлоя ничем не напоминала худенькую девочку, которой когда-то была. Да, она осталась стройной, возможно, даже худой, потому что от печали и забот забывала есть. Однако все, что он увидел, было мягким и округлым, а кожа казалась такой шелковой и совершенной, что Люк не мог не подумать, каково было бы держать в ладонях ее полные высокие груди. Он поднял руки, как будто хотел удержать их от гнусного преступления. Остальные чувства уже предали его, так почему осознание не могло тоже присоединиться к армии противника?

Потому что он должен как-то противостоять тому, чем они с Хлоей Уитен могли стать друг для друга, со вздохом подумал Люк. Десять лет он делал все, что мог, чтобы не появляться здесь.

Ему не составляло труда устраивать праздник из поездок в Брайтон, где Виржиния и Ив могли с удовольствием проводить время вместе. Он даже каждую весну проводил несколько недель в Лондоне, чтобы они могли поесть мороженое у Гюнтера и сходить в цирк Астлея. Это была самая большая из его благородных отеческих жертв, потому что весной Даркмер был красив, как никогда.

Люк подозревал, что Виржиния знает, почему он избегает Лодж, но она и словом не обмолвилась об этом, потому что не хуже его понимала, к чему это приведет.

Высший свет поднял бы его на смех и с презрением отвернулся от Хлои Уитен, если бы он попытался сделать ее чем-то иным, кроме своей любовницы.

– Вот ты где, – произнес с порога Том Бенбург, и Люк обрадовался его вторжению.

– Думаю, ты не ошибся.

– Если хочешь, я могу снова уйти, раз у тебя дурное настроение. Но мне кажется, страдать лучше в компании.

– Да, черт возьми, я не страдаю.

– С лицом чернее тучи.

Люк заставил себя перестать ходить туда-сюда, как генерал перед решающей битвой, и взял наполненный бокал, который протягивал ему Том уже во второй раз за сегодняшний день. Сделав глоток прекрасного коньяка, который Виржиния всегда держала для избранных, он наконец почувствовал, что ему немного полегчало.

– Мне ее не хватает, Том, – признал он меньшее из двух зол.

– А как иначе? Я полагаю, это Виржиния спасла тебя от убогих радостей твоего семейства. А меня она буквально вырвала из лап моего нелюбимого опекуна, когда я был жалким мальчишкой, до которого никому не было дела.

– Верно, она постоянно подбирала бездомных и беспризорных. Как жаль, что она не смогла подарить Виржилу детей, хотя была прирожденной матерью.

– И это говорит человек, который был бы простым мистером, если бы у нее были дети? Ты либо святой, либо лжец, мой друг.

– Я ни то ни другое, но ты, как и я, прекрасно знаешь, что титул не меняет того, как бьется сердце человека, и не делает его счастливее.

– По правде сказать, не знаю, – равнодушно отозвался Том, и Люк напомнил себе, что его друг с пяти лет носил титул маркиза.

– Ладно, зато я знаю, – возразил он, – и титул не прибавил мне радости.

– Это потому, что к тому моменту, когда ты его получил, тебе уже нечему было радоваться, – глубокомысленно заметил Том.

Люк подумал, удалось бы кому-нибудь другому выйти сухим из воды и не нарваться на вызов, говоря вещи, которые походя позволял себе Мантень. – И ты, я полагаю, не помнишь, что значит не иметь его, поэтому всегда весел и полон радости?

– Ну, это, пожалуй, слишком, хотя я никогда не видел смысла в том, чтобы пребывать в мрачности. Я буду и дальше смеяться над миром, даже теперь, потому что Виржиния не хотела бы видеть унылые физиономии, когда она будет покидать эту юдоль слез.

– Верно, но мы оба знаем, что после смерти дяди Виржила она тосковала по нему, как человек, лишившийся руки или ноги.

– Да, и если рай существует, то теперь она там вместе с ним.

– Думаю, ты прав, потому что ни один из них не мог бы оказаться там без другого.

– Удивительно, не правда ли? – сказал Том.

– Да, для большинства из нас любовь по-прежнему остается мифом.

Люк бросил на приятеля долгий, тяжелый взгляд, подумав о том, что он-то сам как раз одержим мыслями о любви и, еще немного, может проговориться. Хотя то, что он чувствовал к Хлое Уитен, едва ли было похоже на любовь.

– Самое интересное в мифах то, что в них многие верят, – заметил Том. Его пристальный взгляд озадачил и встревожил Люка.

Неужели приятель хотел предупредить его не пытаться играть с объектом своих желаний? Но Люк не мог отказать себе в этом. Он был уверен, что влюбиться в него могла именно горделивая и скептически настроенная миссис Хлоя Уитен. Потом ему вспомнилось, какой беззащитной и уязвимой она выглядела при последней встрече, и он снова задумался, так ли это.

– Я не верю, – буркнул он себе под нос.

– Ты просто идеал юных мечтательниц, настоящий герой-разбойник, сошедший со страниц готического романа, чтобы какая-нибудь девица поместила тебя в свой альбом.

– Что за бредовые мысли тебя одолевают сегодня, мой друг? Ты что, читаешь роман в трех частях, который публикует какая-нибудь дешевая газетенка? Или уже одолел все три части? – недоверчиво спросил Люк.

– Ни то ни другое. А ты, похоже, ни о чем не догадываешься, верно?

– О чем я не догадываюсь?

– О том, что твои длинные темные кудри, задумчиво сдвинутые брови и неприступный вид способны с первого взгляда свести с ума дебютанток, как только они заметят твое появление в бальном зале. В тот момент, когда ты появишься в каком-нибудь лондонском собрании, свирепо глядя на каждого храброго юношу, который решится пригласить на танец твою Ив, все юные прелестницы разом не попадают в обморок только потому, что им просто не хватает места.

Люк почувствовал, что бледнеет от одной мысли об этом, поэтому неудивительно, что Том засмеялся.

– В самом деле? – глухо спросил Люк. – Мне столько лет, что я гожусь им в отцы.

– Как и все эти мрачные задумчивые разбойники из готических романов, которые они глотают пачками. Кто знает, на какой полет фантазии способны в своих мечтаниях эти глупые девчонки. Но если ты появишься в Лондоне без виконтессы, то тут же станешь главным объектом притяжения для них и их амбициозных мамаш.

– Я не намерен озадачивать себя выбором новой жены, пока не выдам замуж Ив.

– Оставь Ив в покое. Она сама найдет себе мужа, когда будет к этому готова. Ты просто обязан это сделать, учитывая сколько лет она была вынуждена жить рядом с таким отшельником.

Люк покачал головой. Неужели Мантень прав? Он не находил особой привлекательности ни в своем хмуром лице, ни в черных волосах, которые носил слишком длинными только потому, что у него не хватало терпения выносить частые визиты парикмахера и суетливые старания нового камердинера приодеть и приукрасить его. Что касается его черт, то он был рад, что Ив не унаследовала фамильного римского носа Уинтерли, а одобрительные взгляды, которые бросали на него женщины, приписывал своему титулу и обширным земельным владениям.

– Я не собираюсь навязывать Ив мачеху вроде моей, – передернувшись, сказал он.

– Все в твоих руках, – ответил Том, пожимая плечами.

– Что это значит, тайный сговор с целью женить меня?

– Для этого нужна как минимум еще одна персона, милорд. А я не сваха.

– Значит, вы с Виржинией и моей дорогой Ив еще никого не присмотрели?

– Мы ни о чем не сговаривались, но невозможно, чтобы все мы ошибались.

– Нет, возможно. Втроем вы можете быть не правы втроем.

Том только поднял брови и бросил на Люка скептический взгляд, прежде чем спокойно плеснуть себе в бокал еще коньяка.

– Это Виржиния тебя надоумила? – недоверчиво спросил Люк.

– Уж не думаешь ли ты, что я сам не в состоянии увидеть то, чего не видишь ты? Если бы она не умерла, я бы своими руками задушил ту избалованную ведьму, на которой ты женился очертя голову. Она вышла за тебя, потому что питала какие-то надежды, потом отвергла тебя ради так называемой любви, как будто ты был виноват в том, что она родилась тщеславной, пустоголовой и взбалмошной.

– Я не должен был соглашаться жениться на ней, – пожав плечами, сказал Люк, с содроганием вспоминая длинную череду горьких лет, проведенных в браке. Осознав, что его бокал пуст, он направился к графину за коньяком.

– Твой отец и злобная мачеха – это они виноваты в том, что подтолкнули влюбленного глупца к скоропалительной женитьбе. Но теперь ты уже не мальчик, и тебе непременно нужна жена, мой друг. Хотя бы для того, чтобы избежать безжалостного преследования со стороны целой банды дураков, которые будут окружать тебя в Лондоне на каждом балу, когда Ив начнет выезжать.

– Разве это не тебе нужно проявлять озабоченность по вопросу о наследнике, раз уж ты последний из Бенбургов, тогда как у меня есть еще младший брат?

– Уверен, что Бенбурги могут и подождать, а вот Джеймса не стоит держать в неопределенности, кто он, твой наследник или запасной в команде Уинтерли, который вступит в игру, если «случится что-нибудь ужасное». Он скучает, беспокоится, возможно, чувствует себя не у дел, и кто знает, на что он может пойти у тебя за спиной.

– Ты прекрасно знаешь, что Джеймс никогда не откровенничает со мной, – ответил Люк и с горечью подумал о том, как это больно, когда собственный брат тебя ненавидит, даже если у тебя тоже есть причина ненавидеть его.

– Если бы в юности он был предоставлен самому себе, то ходил бы за тобой повсюду, как потерявшийся щенок.

Люк насмешливо фыркнул при мысли о том, что красивый искушенный Джеймс Уинтерли мог рабски следовать за кем бы то ни было, и уж тем более за старшим братом, которого презирал.

– Это яблоко точно не упадет далеко от яблони, – мрачно заметил он.

– И ты считаешь, что его жребий намного лучше твоего? – никак не унимался Том.

– Я считаю, что не стоит торопиться жалеть Джеймса, потому что его мать любит его и ненавидит меня.

– Смотри, как бы ни было поздно, – предупредил Том, глядя на Люка твердым взглядом, что заставило того задуматься, не знает ли его друг о темных и запутанных делах Джеймса больше, чем говорит. – Пойду побеспокою своего камердинера, раз до обеда есть еще час. Как знать, может, несмотря ни на что, нам удастся приятно и мирно провести этот вечер. – С этими словами Том спокойным шагом вышел из комнаты.

– Маловероятно, что под этой крышей нас ждет что-то подобное, – хмуро пробормотал Люк и, допив свой коньяк, отправился наверх.

Глава 5

Январские сумерки уже спустились на землю, когда Люк твердым шагом поднялся по изящной лестнице. Дойдя до своей спальни, он тут же приказал приготовить ванну и уже через несколько минут услышал, как принесли горячую воду. Не успел Люк расслабиться в ванне, как образы Хлои постепенно заполнили все его сознание.

Почему она? Почему именно Хлою Уитен он хотел каждый раз, когда видел ее? Она была очаровательной женщиной, несмотря на свои убогие платья и чепец, скрывавший волосы, но Люк встречал и других красавиц. Но вопреки его желанию, ни одна другая женщина на земле не могла одним своим недоверчивым взглядом свергнуть его в состояние тщетного томления.

Если бы он так страстно желал ее только потому, что ему нужно было иметь в своей постели красивое женское тело, но Люк с болезненным отчаянием не хотел делать ее просто своей любовницей. В Хлое было что-то особенное, от чего он не мог избавиться даже после десяти лет тщетных стараний. Ему снова вспомнился тот роковой день, когда они впервые встретились: он заметил ее в лесу неподалеку от дома, когда она играла со своей маленькой дочкой, и, остановившись поодаль, где она не могла его увидеть, просто стоял и смотрел.

В конце концов, летняя жара утомила ребенка, и Хлоя, взяв девочку на руки, стала ее укачивать и петь нежную песенку, пока маленькая Верити не заснула у нее на руках. Люк вспомнил, какая жгучая зависть охватила его, как ему захотелось, чтобы эта любовь и нежность досталась детям, которых они могли бы подарить миру, если бы все было иначе.

Но его место занял Уитен, опрометчиво женившийся на школьнице и сделавший ей ребенка. По крайней мере, так Хлоя однажды рассказала ему. Люк почувствовал, как его руки сжимаются в кулаки от мысли об Уитене, обречшем женщину, которую он мог бы любить, на такую жалкую и тяжелую жизнь.

Люк уже собирался повернуть назад, но тут июньское солнце высветило на лице Хлои следы слез, когда она, опустив голову, посмотрела на спящего ребенка. Даже теперь сердце Люка болезненно сжалось от этого воспоминания. А тогда его охватило такое нестерпимое желание подойти и обнять ее, что он, стиснув кулаки, с такой силой впился ногтями в ладони, что у него пошла кровь.

Весь следующий день Люк провел строя самый безумный план, который помог бы сделать Хлою Уитен своей любовницей. Он представлял себе, что Хлоя будет вести жизнь добropорядочной жены, муж которой уплывает за семь морей, а когда возвращается, не хочет ничего другого, как только проводить все время с ней, не выходя из дома. Но нет, он не мог обрекать на такую жизнь ни ее, ни маленькую Верити, ни других детей, которые могли у них родиться. Это была бы полужизнь, и Люк не смел предложить ей так мало.

Проклятье, он не может позволить, чтобы страсть снова завладела им, лишив воли. Чтобы справиться со своей одержимостью, Люк вызвал в памяти образ своей бывшей жены, укорявшей его в том, что он черствый, бесчувственный чурбан. Однако видение обнаженной тетушкиной экономки, лежавшей на большой постели, которая ждала за дверью, мгновенно вытеснило его. От одной этой картины Люк ощутил, как вскипела кровь, и ничем не прикрытое физическое проявление возбуждения заставило его почувствовать себя глупо.

Реакция на вызов, который бросила его мужскому естеству Памела, отказавшись спать с ним после возвращения из свадебного путешествия, напомнила Люку о том, с какой легкостью он мог хотеть женщину, не испытывая к ней никаких чувств. Тогда он дал волю своей злости на себя и свою жену, и она с наслаждением восприняла его гневное обещание заставить ее отдаться ему, а потом со стоном требовала близости еще, чего он никогда не мог

добиться от нее любовью и нежностью. Исполнение этого обещания привело ее в восторг, а его примирило с самим собой.

Их брак худо-бедно продержался шесть месяцев. Памела то вспыхивала, то остывала, и постепенно Люку стало тошно и от нее, и от себя самого. Характерно, что о своей беременности она сообщила ему в тот день, когда окончательно ушла от него. Письмо, отосланное с лондонского адреса ее сестры, где говорилось о том, что она разрешилась дочерью и ему следует приехать, Люк получил в день своего двадцатилетия. До сегодняшнего дня он не вспоминал о том, как поехал туда и в ярости забрал Ив – единственное ни в чем не повинное существо в этой проклятой истории.

– Добро пожаловать к вашему негодному орущему ребенку! – крикнула Люку жена, когда он промчался мимо нее в мансарду, куда сослали его дочь за то, что она кричала несколько громче, чем полагалось. – Пришлось убрать ее отсюда, чтобы она не свела меня в могилу. Я больше не желаю ее видеть! – поспешила она крикнуть ему вслед.

– Разве вы не чувствуете в себе потребности вырастить из нее героиню по своему образу и подобию?

– В любом случае ничего вашего в ней нет, и я вообще не уверена, что она действительно ваша дочь. Вы не единственный из Уинтерли, который пригоден к случке, как кабан во время гона, – самодовольно ответила Памела.

Его злобный крик разбудил ребенка, и из пустой чердачной спальни, которую Люк считал бы непригодной даже для приюта, выскочила разъяренная няня, накинувшаяся на них обоих.

– Если бы в ваших черных сердцах была хоть капля жалости, вы бы замолчали! – воскликнула она хриплым голосом, как будто его худенькая обладательница большую часть своей жизни на этой земле кричала без передышки и в результате совсем сорвала его.

На хмуром лице Люка появилась невольная улыбка, когда он вспомнил, до какой степени его потрясла эта резкая отповедь со стороны крохотной женщины, у которой был такой вид, словно она забежала сюда с улицы, чтобы по доброте своего усталого сердца покормить его ребенка. Женщина едва доставала ему до локтя, а ее мудрое лицо казалось не имевшим возраста, как бывает у тех, кто с рождения привык к тяготам жизни.

– Тогда чья она? – спросил Люк жену более спокойно, пока эта гневная девочка-женщина продолжала наступать на него, словно укушенный блохой терьер на рассерженного медведя.

– Ну хорошо, она Уинтерли, и, возможно, именно поэтому я не могу выносить ее присутствия рядом с собой.

– Значит, она моя.

– В ветвях вашего фамильного древа притаились и другие хищники, которые надеются, что это их семя передаст фамильные достоинства у вас под носом, Люк Уинтерли.

Не казавшаяся невозможной мысль о том, что его уже тяжелобольной отец мог покуситься на его жену, заставила Люка почувствовать, будто ему в грудь вонзили клинок из самой твердой толедской стали. Страшная догадка поразила его, когда он, застыв на месте, мысленно перебирал список своих родственников мужского пола, вычеркивая их одного за другим. Всех, кроме одного. Его мачеху бесило, что он был наследником титулов Фарензе, и она делала все, что могла, чтобы заставить сводных братьев ненавидеть друг друга. И все же до этого момента Люк испытывал к Джеймсу какую-то мрачноватую привязанность.

Могла ли Памела пасть так низко, чтобы соблазнить семнадцатилетнего мальчика? Да, решил он, ощутив горькую тошноту, грозившую задушить его. Желая таким извращенным способом отомстить Люку за то, что он женился на ней, не испытывая должного обожания, она наслаждалась бы каждой минутой этого предательства. Люк был еще достаточно молод,

и это ранило его в самую душу. Он почувствовал, что если еще на мгновение останется с ней в одном городе, то задохнется.

– Принесите ребенка, мы уезжаем, – бросил он похожей на уличного мальчишку кормилице.

– Нет, пока я не буду уверена, что с вами девочке будет лучше, чем у старьевщика, – возразила она, появившись в дверях детской с Ив, завернутой в поношенную шаль, которая, наверное, принадлежала ей самой, потому что Памела не удосужилась дать ей другую. – Как я сама до этого не додумалась? – злобно бросила она.

– Как ты можешь говорить такие ужасные вещи, дорогая? – слабо возразила из-за спины Памелы ее сестра Александра, леди Дернли. – Это же твой ребенок.

– Я предпочла бы иметь хорька или ласку вместо этого орущего существа. Разве Джеймс хоть раз посетил меня, пока я была толстая и неуклюжая, как корова, из-за девчонки, которой кто-то из них наградил меня? Когда он соблазнил меня, то обещал, что будет поклоняться мне до самой смерти, и посмотри, сколько это продлилось. Даже если бы она не была Уинтерли, я возненавидела бы ее за то, что она испортила мне фигуру, а потом своими криками и нытьем заставила уйти моего дорогого Блейсдона. Я буду счастлива больше никогда в жизни не видеть это отродье. Пусть катится ко всем чертям вместе с ним, и чем скорее, тем лучше.

От такого проявления истинной натуры своей младшей сестры леди Дернли побелела как мел и предпочла упасть в обморок, лишь бы при этом не присутствовать.

– Будь ты проклята, бессердечная тварь! – вскричал Люк.

– Да будьте прокляты вы оба, – каким-то непонятным образом перекрыл общий шум голос крохотной няньки. – Бедное дитя еще не успело сделать ничего дурного, в отличие от вас, так что замолчите, – приказала она Памеле, смотревшей на нее с открытым ртом. – Если в вас есть хоть капля доброты, обратите ее на это беспомощное существо, которое не просило вас производить ее на свет. Мистер, заберите нас отсюда, прежде чем бедная малютка умрет здесь от холода и голода или эта миссис не убьет ее, пока я сплю. И неважно, ваша она дочь или нет.

В этот момент Люк совершил изменившую всю его жизнь ошибку, посмотрев на крохотное существо, лежавшее в ее костлявых девичьих руках, и понял, что нянька права. Испуганный внезапной тишиной не меньше, чем криками, ребенок сморщил свое крохотное личико, собравшись излить миру все свои горести. Люк протянул палец, скорее инстинктивно, чем в надежде успокоить девочку. Ив молчала. Она широко раскрыла глаза и, казалось, сосредоточилась на нем, как будто с самого своего рождения ждала его появления. Она сделала его своим отцом, схватившись за его палец и отказавшись отпустить его.

Люку удалось все скрыть, пригрозив Памеле, что, если хоть одно слово о том, что Ив может быть не его дочерью, выйдет наружу, он прекратит выплачивать ей содержание и потребует официального развода. Путешествие в Даркмер с Ив и Брэнди Браун в придачу было сущим кошмаром, о котором Люк по сей день вспоминал с содроганием. Но каким-то образом все они его пережили, и Ив выросла без матери, которая ненавидела ее за то, что в ней текла кровь Уинтерли.

Люк заставил себя не обращать внимания на доходившие до него сведения о похождении Памелы на континенте, где после окончания революции и войны обосновалась его жена, меняя одного любовника за другим. Не волновало его и то, что щедрое содержание, которое он ей выплачивал, позволяло ей и ее очередному избраннику жить в роскоши. И когда три года спустя слух о смерти его жены достиг Даркмера, у него не достало лицемерия, чтобы ее оплакивать.

Теперь лорд Фарензе мог казаться угрюмым и холодным, как болота, отгораживавшие его замок от остального мира, но он искренне любил свою дочь. Воспоминания о жене удер-

живали его на безопасном расстоянии от Хлои Уитен и от того, что он мог испытывать к ней какие-то чувства, более сильные, чем надо, и, значит, он мог пока не думать о том, чтобы позволить женщине войти в его жизнь и изменить ее.

Исполнившись решимостью так и сделать, по крайней мере, в ближайшие несколько дней, Люк оделся и только тогда обнаружил, что обед перенесли на час позже. Однако Ив была предупреждена об этом и теперь занималась тем, что обсуждала с Хлоей и Брэн, какое из черных платьев лучше подойдет к случаю. Люк не усмотрел между ними большой разницы, поэтому, как только заметил притаившуюся в темном углу экономку, он поспешил убраться прочь из комнаты, словно сам черт сидел у него на хвосте. Чувствуя себя явно не в своей тарелке, он спустился вниз, как гость, явившийся на прием слишком рано.

Хлоя совещалась с кухаркой насчет количества перемен блюд, которые миссис Уинтерли сочла приличествующим подавать к обеду, когда они с удивлением услышали звук, возвещавший о чьем-то запоздалом прибытии. Краткое сообщение о том, что ее ждут на улице, заставило Хлою опрометью броситься на конный двор.

– Верити, любовь моя! – воскликнула она, увидев, как ее дочка, выйдя из кареты, моргает от вспышек фонарей, которые принесли мальчики-конюхи.

– О, мама, как я рада тебя видеть! – воскликнула Верити с такой широкой улыбкой, что Хлое захотелось плакать. Вместо этого она обняла дочь, как будто они не виделись несколько месяцев.

– Но как так получилось? – спросила Хлоя кучера лорда Фарензе.

– Его высочество приказал привезти ее, как только узнал, что юная мисс хочет домой, – ответил Биркин, как будто по меньшей мере раз в неделю ездил из Нортамберленда в Бат и обратно.

– Я очень вам благодарна, – с теплой улыбкой произнесла Хлоя.

– Благодарите не меня, а его высочество, мэм, – буркнул Биркин, как будто хотел восстановить свою репутацию человека сурового нрава.

– Но ведь вам с вашими людьми пришлось ехать за Верити в сумерках, а потом и в темноте, так что я очень благодарна вам.

– Мы исполняли свои обязанности, мэм.

– Я больше не стану вас благодарить, раз это вас так беспокоит, но попрошу кухарку отправить всю еду, которая останется от стола его светлости и его гостей, в холл для прислуги, чтобы вы могли пообедать. Сегодня вечером вам и вашим людям нужно хорошенько подкрепиться и выпить.

– Благодарю вас, мэм, но сначала мы распряжем лошадей и приведем себя в порядок.

– Конечно, – согласилась Хлоя и повела Верити в дом.

Она могла позволить себе небольшую передышку. За обедом проследит Окем, а кухарка подготовит лакеев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.